

Как мыслить войну сегодня?

ВЕСНОЙ 2003 года вышел специальный номер «Логоса» (№ 36), отразивший реакцию на начало Иракской войны самых заметных интеллектуалов рубежа XX–XXI веков: Перри Андерсона, Иммануила Валлерстайна, Жака Деррида, Славоя Жижека, Юргена Хабермаса, Эрика Хобсбаума и др. Авторы номера занимались преимущественно критикой идеологии: они осуждали гегемонизм США и стремились вскрыть политическую логику, стоящую за картинами войны, разговорами об оружии массового поражения и терроризме, о нарушениях прав человека и демократии. Они пытались понять не столько войну, сколько американский империализм. Не сказать, что сегодня эта (или такого типа) работа потеряла актуальность, однако ее, очевидно, недостаточно.

Военные конфликты 2014–2019 годов (но также угрозы применить ядерное оружие, отказ от подписанного в 1987 году Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и т. д.) заставляют искать возможности мыслить войну иначе. О «новых» («асимметричных», «гибридных», «низкоинтенсивных» и т. д.) войнах западные политологи спорили еще в 1990-е годы, но с 2013 года о трансформации войны заговорило и российское военное руководство. Сегодня уже в самой военной доктрине признается, что «правила войны» изменились и все более значимыми оказываются «невоенные методы противоборства». Это означает, что граница между войной и миром стирается, становится все сложнее различать, во-первых, «фронт» и «тыл» (поскольку источником военных угроз считается теперь «информационное пространство и внутренняя сфера Российской Федерации»¹), а во-вторых, солдат и «ополченцев» или бойцов частных военных компаний.

1. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 30.12.2014.
URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.

Это означает, далее, угрозу для гражданского общества, структур гражданской самоорганизации и коммуникации².

Новые войны — это отнюдь не «просто» локальные конфликты, они меняют политику и субъективность³, определяют нашу современность. Авторы настоящего номера работают с этими детерминациями в проблемном поле, которое может быть предварительно размечено с помощью трех вопросов, тревожных, но и увлекательных:

1. «Новые войны»? Военные действия все чаще ведутся с помощью полуофициальных формирований, частных военных компаний и криминальных банд. Мы не обнаруживаем в этих конфликтах тринитарной структуры (правительство, армия, народ), а их участники по разным причинам заинтересованы не в «мире, лучшем, нежели довоенный», а, скорее, в воспроизводстве насилия (одновременно криминального и политического). Однако означает ли это, что Клаузевиц устарел? Возможно, напротив, его формула о войне как продолжении политики начинает звучать более современно, поскольку дает основания поставить вопрос о связи между иррегулярными войсками с их преступлениями и государством, использующим, но не признающим их.

2. «Война 2.0»? Медиатизация политики и публичных сфер расширяет список акторов военных конфликтов и влияет на формирование цифрового милитаризма. Социальные сети становятся важнейшим театром военных действий и одновременно средством ведения войны. Каким образом современные медиа трансформируют привычные нормы ведения войны и представления о ней? Какая реальность производится и транслируется участниками военных конфликтов в социальных сетях? Приводит ли медиатизация войн к вовлечению в них все большего числа пользователей новых медиа или, напротив, к отчуждению и виртуализации?

3. *Pro patria mori*? Современное государство возникло в результате монополизации легитимного насилия (и формирования сопутствующих экономических и административных структур).

2. Как говорит об этом Мэри Калдор, «новые войны правильнее рассматривать как атаку на гражданское общество, а не как конфликт между вооруженными группами» (см. статью «Культура новых войн» в настоящем номере «Логоса»).

3. Здесь оказывается плодотворной фукианская инверсия знаменитой формулы Клаузевица. См. об этом статью Федора Николаи «Дискурс безопасности и политическая анатомия страха в эпоху „новых войн“» в настоящем номере «Логоса».

Концентрация средств принуждения сопровождалась концентрацией символического капитала признания и легитимности. Что означают трансформация и медиатизация войны для конструируемых государствами идентичностей? Приводит ли прекращение «большой войны» к разрушению одной из главных символических опор государства? Или, напротив, патриотизм (и даже воинственный национализм) все в большей степени определяет сегодня производство субъективности?

Егор Соколов